

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.752

От (до) советского к постсоветскому: проблема русской культурной преемственности в исторической перспективе

From (before) Soviet to Post-Soviet: The Problem of Russian Cultural Continuity in Historical Perspective

Винокурова Н.А., *Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, vinokurova@yandex.ru*

Vinokurova N., *Central Economics&Mathematics Institute RAS, vinokurova@yandex.ru*

DOI: 10.51379/KPJ.2023.160.3.032

Ключевые слова: культурные традиции, ценности, преемственность, культурная самобытность, влияние традиций на современность, либералы и консерваторы в экономике, гендерные взгляды.

Keywords: cultural traditions, values, continuity, cultural identity, the influence of traditions on modernity, liberals and conservatives in the economy, gender views.

Аннотация. Цель данной статьи – доказательство существования преемственности русской культуры, сохранения устойчивых традиций и их влияния на современную жизнь в разных сферах. Статья имеет междисциплинарный характер, используются социологический, культурологический и экономический подходы к исследованию, применяется метод вторичного анализа данных. Преемственность и её влияние на современность доказываются на примерах западничества и славянофильства в контексте экономики в наши дни, а также гендерного поведения в сфере взаимоотношения полов. Кроме того, в статье представлены результаты ряда социологических опросов, которые отражают сохранение традиционных гендерных взглядов, касающихся занятости женщин. Новизна исследования заключается в анализе влияния культурных традиций на современность. Это актуально с позиции их учета при принятии управленческих решений на разных уровнях, а также для воспитания молодежи, для использования в педагогической практике. Знание, понимание ключевых ценностей и самобытности русской культуры, её устойчивых традиций открывает для молодых людей возможности самопознания и самоидентификации как граждан России.

Статья предназначена ученым, педагогам и работникам органов управления.

Abstract. The purpose of this article is to prove the existence of continuity of Russian culture, the preservation of steady traditions and their influence on modern life in various spheres. The article possesses an interdisciplinary character, sociological, cultural and economic approaches to research are implemented. Also the method of secondary data analysis is used. Continuity and its influence on modernity is proved by the examples of Westernism and Slavophilism in the context of economics today, as well as gender behavior in the field of gender relations. In addition, the article presents the results of a number of sociological surveys that reflect the preservation of traditional gender views regarding women's employment. The novelty of the research lies in the analysis of the influence of cultural traditions on modernity. This is relevant from the stand point of their consideration when making managerial decisions at different levels, as well as for the education of young people, for use in pedagogical practice. Knowledge and understanding of the key values and identity of Russian culture, its steady traditions open up opportunities for young people to self-knowledge and self-identification as citizens of Russia.

The article is intended for scientists, teachers and employees of government bodies.

Введение. Для российской истории характерны очень резкие развороты. Достаточно вспомнить революцию 1917 года или переход от советского периода к постсоветскому, произошедший буквально на наших глазах. Это

были настоящие исторические переломы. Такие развороты не могли не сказаться на культуре. Фактически за один век Россия пережила две «культурные революции». Недаром Юрий Лотман утверждал, что «история русской

культуры в своем собственном восприятии предстаёт как цепь взрывов» [1]. Действительно, крутые развороты и разрывы свойственны как собственно русской истории, так и ее культурной составляющей. Так, после 1917 года культура приобрела классовый характер. Возможность преемственности исключалась по идеологическим соображениям. При переходе от советского к постсоветскому периоду культурная парадигма также радикально менялась. Горбачевская перестройка во многом началась именно с культуры: с публикации запрещённых в советское время авторов, с новых взглядов на историю России и её героев, с вестернизации искусства и т.д. и т.п. Глобализация также привела к определенной трансформации культуры.

В этой ситуации можно было бы предположить, что вопрос преемственности культуры изжил себя, и, в принципе, можно вообще отказаться от этого термина. В настоящей статье обсуждается кривая исторического развития России в контексте культуры, с акцентом на устойчивые культурные тенденции, которые на поверку оказываются наиболее живучими. Начнем с постулата (возможно спорного) о том, что для каждой национальной культуры существуют наиболее семантически значимые узлы, если угодно, священные символы, на которых строится культурная история данной нации и которые определяют ее культурное сознание. Сергей Аверинцев предупреждал, что «завышенная оценка значения констант ... есть гносеологическая ошибка». Тем не менее, он сам признавал, что есть явления, которые, «относительно чаще встречаются в русской культурной истории, чем в истории западных культур», и именно они отражают нашу самобытность [2].

Кроме того, на русскую культуру большое влияние оказало православие с его довольно жёсткими религиозными доктринами. Для неё характерны страстное философствование, метафизичность, поиски истины, интерес к духовной жизни человека, зависание над экзистенциальной пропастью вместо свойственного западным культурам бегства от трагизма бытия. Ф. Ницше в свойственном ему парадоксальном стиле говорил по поводу этой национальной черты: «Я променял бы всё счастье Запада на русский лад быть печальным» [3]. И, конечно, главная черта традиционной русской культуры – доминирование моральных установок. Ещё первый русский митрополит Иларион в своем «Слове о Законе и Благодати» говорил о приоритете морали над правом, о

превосходстве милосердия над справедливостью [4]. Для русской культуры характерно отношение к «закону», как к чему-то второстепенному в сравнении с истиной. Закон, в соответствии с взглядами митрополита Илариона – это лишь тень истины, а не сама истина, поскольку он установлен государственной, а не божественной властью, и поэтому обладает только юридическим, но не нравственным содержанием. Замечательный писатель Фазиль Искандер, мудрец и правдолюбец, писал в одной из своих книг: «Русский человек силен этическим порывом и слаб в исполнении этических законов. Могучий этический порыв, может быть, – следствие ужаса при виде этического беззакония. Результаты всего этого? Великая литература и ничтожная государственность» [5].

И в этом смысле, как это ни парадоксально, как советский, так и постсоветский периоды, несмотря на их, казалось бы, коренное, радикальное отличие и друг от друга и от предшествующей им эпохи, вписываются в общую линию культурной преемственности, дотянувшуюся и до наших дней. Обнаруживаются некие непреходящие процессы и явления. В данной работе акцент сделан не просто на значимые российские константы, определяющие самобытность России, но, прежде всего, на влияние культурных традиций на современную жизнь. Это актуально с позиции их учета при принятии управленческих решений на разных уровнях, а также для воспитания молодежи, для использования в педагогической практике. Знание, понимание самобытности и ключевых ценностей русской культуры, её устойчивых традиций открывает для молодых людей возможности самопознания и самоидентификации как граждан России. Необходимость абсорбции культурно-исторической информации ещё более возрастает в связи с изменениями, происходящими в геополитике.

Цель исследования – доказать утверждение (или, если хотите, – гипотезу) о преемственности русской культуры, о сохранении культурных традиций и об их влиянии на современную жизнь, продемонстрировав это на конкретных примерах из разных сфер.

Материалы и методы исследования. Данное исследование является междисциплинарным, используются методы не только социологии, но также культурологии и экономики. Выводы основываются как на анализе российской литературы, так и на целом ряде проведенных автором количественных и качественных

социологических исследований. В число этих исследований входят:

– Интервьюирование ведущих российских экономистов в рамках проекта «Устная история».

– Культурологическое исследование на тему российской специфики взаимоотношения полов.

– Анкетный опрос экспертов из числа ведущих ученых для выяснения наиболее перспективных профессий для молодежи с позиций развития науки и высоких технологий.

– Анкетный опрос студентов в 15 вузах в 6 городах РФ для выяснения их взглядов и карьерных планов (общая численность респондентов около 1000 человек).

– Эконометрическое моделирование предложения на рынке труда.

Частично представляемая статья является вторичным анализом уже опубликованных автором материалов. Метод вторичного анализа (взгляда с других позиций на один и тот же материал) принят в социологии.

Результаты исследования.

1. Западничество и славянофильство в экономическом контексте.

Одной из стержневых тем русской культуры, которые, преобразаясь подчас до неузнаваемости, всё же продолжают некий извечный и ключевой для России спор, оказывая непосредственное влияние на её судьбу, являются взаимоотношения России с Западом, породившие два лагеря, два течения, если угодно, – даже два мироощущения: западничество и славянофильство.

Эти течения сформировались в 30–50-х годах XIX века. Напомним, что для славянофилов в полном соответствии с идеями митрополита Илариона совесть была важнее «закона». Представители этих двух направлений поразному понимали прогресс. Если западники ратовали за материальный прогресс, то славянофилы понимали под прогрессом развитие духовного мира человека с его пониманием добра и зла.

В данном исследовании мы изучили влияние двух названных противоборствующих течений на экономическую жизнь современной России, с отсылками и к советскому периоду, из которого вырастают многие представления старшего поколения российских экономистов. Работа основывалась на интервью с ведущими российскими экономистами (Е.Г. Ясин, В.И. Данилов-Данильян, Н.М. Римашевская, В.А. Волконский, В.Л. Макаров, Д.С. Чернавский и др.). Интервью были проведены автором в рамках проекта МГУ им. М.В. Ломоносова «Устная

история». Было выявлено, что вполне славянофильские идеи обнаруживаются у консервативно настроенной части российских экономистов, считающих, что западные экономические модели неприменимы в российском контексте, прежде всего, из-за несоответствия ключевых жизненных ценностей двух систем. В то же время либеральное крыло российской экономики, проводившее реформы 1990-х годов по западному образцу, идеологически отвечает как раз западничеству направлению. При этом выявился парадоксальный факт: некоторые из наших респондентов-экономистов никогда не интересовались проблемой западничества и славянофильства, были довольно плохо знакомы с литературой на эту тему, но при этом повторяли почти дословно идеи либо западничества, либо славянофильского лагеря первой половины 19-го века.

Самый яркий из экономистов либерального направления, Е.Г. Ясин в интервью рассказал, что, будучи в командировке в Финляндии ещё в советское время, увидел в книжном магазине книгу З. Бжезинского и не ушел из магазина, пока не прочитал её. Эта книга, признавался он, сильно повлияла на его взгляды. Так же, как труды польского экономиста Бальцеровича. Ясин уверен, что важнее всего в экономике – материальный прогресс, рост потребления. Поэтому он полагает, что экономические реформы в России удались, раз «в магазинах можно всё купить, рестораны полны» и т.п. [6]. Тем не менее, уже признано, что либеральные реформы во многом провалились, а Россия так и не стала «западной страной». Академик В.М. Полтерович, которого можно отнести к центристам, объяснял это тем, что в ходе реформ не были учтены национальные традиции, национальный менталитет. Население воспринимало эти реформы как несправедливые, шок был слишком сильным [7].

Взгляд ученых-консерваторов представлен в интервью и в книгах В.А. Волконского. Он в противовес Ясину убежден, что «духовно-смысловой» мир является не менее важной производительной силой, чем мир «материально-прагматический». Материальные ценности, в его понимании, – это не то, что «делает человека Человеком» [8, с.5,12,27].

Ещё один консерватор – известный экономист, профессор Д.С. Чернавский. Он ратует за полный отказ от западных идей, за полную автаркию даже в экономике. Чернавский видел причину социально-экономического кризиса в России в том, что «в 1991-ом году была

попытка навязать России западную цивилизацию», которая, на его взгляд, совершенно не соответствует российскому менталитету [9, с.34]. При этом Д. Чернавский не только в теории, но и на практике, в обычной жизни следует своим идеям. Так, например, демонстрируя то, что он отстаивает российские ценности, Чернавский отказался от реального миллиона евро. Он стал победителем проводившегося в 2004 г. конкурса «На лучшее объяснение ключевых вопросов строения мира» – телевизионной программы с призовым фондом 1 млн евро. В ней приняли участие 200 ведущих российских учёных из разных областей знания. Лучшему был обещан этот миллион. При этом, поскольку это было что-то вроде шоу, предполагалось посмотреть, «как ученые будут драться из-за миллиона». Д.С. Чернавский, получив миллион, разделил его поровну на всех участников программы. Респондент уверен, что поступил, хотя и нерационально, но правильно: Вот его слова: «Миллион я разделил, и считаю, что правильно сделал, да. Это подняло дух ученых, что ученые есть ученые. Не все из них барыги и бизнесмены... В сообществе, именуемом «ученым» был повышен параметр дружбы. Да, повышен параметр солидарности. И это важно, я считаю, для ученого сообщества» [10].

Независимо от Чернавского с подобными идеями выступали и другие ученые, порицавшие денежные стимуляторы в научных изысканиях, отказывавшиеся, подобно Григорию Перельману, от престижных денежных премий. Такое отношение к науке, основанное на романтическом благородстве поиска высшей божественной правды об устройстве мироздания, чуждое низменной земной выгоде, активно культивировалось в советскую эпоху (вспомните хотя бы вышедший в 1962 г. нашумевший фильм «Девять дней одного года»), но сохранило своих адептов среди ведущих российских ученых и в постсоветский период.

Выясняется, что продолжатели идей западников и славянофилов в экономике, стоящие по разным сторонам баррикад, даже и незнакомые с учениями зачинателей западничества и славянофильства в России, тем не менее, как бы бессознательно следуют этим исторически заданным линиям. То есть, преэминентность ценностного выбора, по-видимому, определяет соответствующие мировоззрение и идеологию. Ибо за их экономическим выбором стоит, по сути, понимание фундаментальных жизненных ценностей.

В статье автора, посвященной понятию «человека экономического» [11], этот вывод также подтверждается. В России идея «экономического человека» всегда была предметом обсуждения и подвергалась сомнению не только среди ученых, но и среди обывателей. В первую очередь, её подвергли критике русские философы. Так, Булгаков доказывал аморальность стремления к собственной выгоде, для Булгакова важно не личное, а национальное богатство [12, с.46]. А Василий Розанов в своем возмущении идеями накопительства доходил до отрицания экономического прогресса вообще, объявляя «нормальной» жизнью жизнь «с бедностью и трудом», «с молитвой, с подвигом и не помышляя быть богатым» [13, с.89]. В статье [11] продемонстрировано, что и в наше время, когда роль денег с приходом капитализма возросла, обыватели относятся к деньгам с определенной подозрительностью, считая что, богатым можно стать лишь нечестным путём, что деньги не дают счастья, но лишают покоя и т.п.

2. *Российские традиции в гендерной сфере.*

Склонность к традиционализму хорошо прослеживается в вопросе взаимоотношения полов, прежде всего, в отношении к любви как, по сути, духовной категории. Несмотря на разрушительное влияние постмодернизма, намеренно занижающего планку духовных категорий, исповедующего огульно иронический дискурс во имя истребления пафоса, формула, выведенная американским славистом Дэвидом Бетей в отношении русской культуры, всё ещё остается неизменной: «Романтическая любовь обретает смысл только в свете своего высшего предназначения» [14]. Именно это этическое измерение представляется главным.

Романтическое, трепетное отношение к любви можно продемонстрировать на примере российского «мачо», выявив его отличия от классического латиноамериканского мачо в сфере отношений между мужчинами и женщинами. Латиноамериканский мачо (в переводе с испанского «самец») описывается в первую очередь как человек брутальный, демонстрирующий мощь и напор победителя, силу и необузданные «животные» желания. Он страстно желает показать свое превосходство над другими мужчинами. Согласно социологу Энтони Гидденсу, одна из важнейших особенностей маскулинности вообще и мачо, в частности, – это отношение к женщинам. По Гидденсу для современной маскулинности характерно отношение к женщинам как к чистым (для брака) и нечистым (проституткам), к которым можно относиться как к вещи [15].

В России в 90-е годы также появился тип «мачо» – мужчин, демонстрирующих силу и агрессивность, жёсткость и даже жестокость, стремление к подавлению противников. Это рэкетеры, бандиты, а порою и омовцы или спецназовцы. В повести Захара Прилепина «Восьмерка» [16] как раз такие новые российские мачо и являются героями. Один из них омовец, вся жизнь которого проходит в драках, избиении и унижении противников. О женщинах он тоже может отозваться весьма цинично. Тем не менее, в отношении девушки-проститутки, в которую он влюблен, проявляет нежность, чистоту и страстное желание настоящей любви. Ни о каких «животных» желаниях и речи не идёт. У русских писателей-классиков отношение к проститутке, к падшей женщине определяется христианскими гуманистическими идеями. Это русская традиция.

Возможно, как раз вследствие укорененности в русской культуре вышеозначенных представлений духовного порядка, сохранение традиционности наблюдается и в более практических вещах – таких как, например, отношение населения к женской занятости, в том числе отношение к ней и самих женщин.

Отметим, что в постсоветское время, произошли буквально революционные нововведения с появлением понятия «гендер». Понятие гендера и гендерного равенства вошло не только в академический дискурс. Это отразилось и в общественной жизни, в создании множества женских общественных организаций с программами по защите прав женщин, в том числе и на рынке труда. Как замечает известная исследовательница гендерных проблем О. Воронина, формирование гендерного подхода в гуманитарном и социальном знании в сущности является гораздо большим, чем просто появление новой теории. Принятие этой теории, по её мнению, означает изменение ценностных ориентаций, пересмотр многих привычных представлений и истин [17]. Однако, несмотря на эти по существу революционные процессы, заметного изменения ценностных ориентаций не произошло. Россияне продолжают в значительной степени придерживаться абсолютно традиционных взглядов на женскую занятость. Так, при проведении опроса группы экспертов (ученых и преподавателей вузов, известных в своих областях науки и обладающих научными степенями и званиями) им задавался вопрос, какую отрасль для работы они посоветовали бы выбрать своим детям, внукам (вообще младшему поколению). Пол детей не учитывался. Известно, что, несмотря на то, что многие гендерные исследователи ратуют за равное

представительство мужчин и женщин в различных сферах занятости, в реальности существуют мужские и женские сферы приложения труда. В нашем опросе учёных выяснилось, что эксперты-мужчины чаще рекомендовали молодежи мужские профессии (работу в отраслях промышленности, на транспорте и в области связи). Так, работу в промышленности порекомендовали 32,6% мужчин и только 24,6% женщин. Зато эксперты-женщины чаще всего рекомендовали работу в здравоохранении. При этом респонденты по-разному объясняли свой выбор. Женщины считают, что работа в здравоохранении, прежде всего, это благородная деятельность, которая принесёт пользу людям. И только на третьем месте у женщин оказалась такая причина выбора, как возможность хорошо заработать. Для мужчин, рекомендующих детям работу в здравоохранении, главным аргументом оказалась возможность найти достойную работу. Зато, обосновывая выбор работы в промышленности, большинство мужчин отмечают, что это благородная деятельность и возможность принести пользу своей стране. То есть, мужчины и женщины в целом по-разному оценивают мужские и женские сферы труда. Вывод: мы наблюдаем сохранение традиционных представлений о занятости даже у наиболее образованной и продвинутой группы населения – ученых.

Ещё одно исследование – это тоже анкетный опрос, но уже молодого поколения – студентов. Цель опроса – выявление взглядов студентов на свою будущую карьеру. Наличие гендерных различий во взглядах юношей и девушек было одной из гипотез, подтверждение которой предполагалось получить по результатам исследования. Действительно, большие гендерные различия выявились в вопросе о наиболее предпочтительном виде деятельности после окончания вуза. 60,1% юношей выразили желание основать собственное дело, среди женщин таких оказалось всего 39,9%. Девушки предпочитают более стабильную работу по найму. Юноши готовы рисковать, но стать более независимыми. Студенты пояснили мотивы своего выбора предполагаемых будущих занятий. Юноши, как выяснилось, в большей степени заинтересованы в том, чтобы их будущая работа была связана с высокими технологиями, с разработкой новых продуктов и услуг, что скорее может произойти при работе в мужских отраслях. Девушки чуть больше юношей хотели бы, чтобы их работа давала возможность сочетать работу и личную жизнь. Если бы девушки всё же стали

предпринимателями, то выбрали бы традиционные женские сферы деятельности: образование, здравоохранение, сферу развлечений и досуга. Юноши предпочли бы мужские отрасли: промышленное производство, строительство, нефтяную сферу. Это означает, что мотивации молодёжи различаются, соответствуя традиционным гендерным представлениям.

Завершая раздел, кратко опишем результаты расчетов по эконометрической модели предложения на российском рынке труда на макроуровне [18, с.39]. Эти расчеты показали, что уровень экономической активности населения в целом возрастает с ростом средней реальной заработной платы. Однако для мужчин он возрастает с ускорением, а для женщин – с замедлением. Это можно трактовать, как реакцию населения, которое руководствуется традиционными взглядами на роль женщины в обществе. Прежде всего, напрашивается вывод, что, если доходы семьи растут благодаря росту заработка мужчин, то женщины могут себе позволить снизить свою трудовую активность в пользу семьи. Такое поведение вполне корреспондирует, хотя и по косвенным данным, с результатами социологических опросов молодёжи.

Итак, традиционные взгляды, культурная преемственность в гендерной сфере нашла свое подтверждение в многочисленных исследованиях на эту тему.

Заключение. Обобщая, можно утверждать, что, как показывают, в частности, представленные исследования, русская культурная преемственность сохраняется в разных сферах и не слишком сильно зависит от меняющихся политических и социальных реалий, поскольку уходит корнями в экзистенциальное – в ценностные представления нации, или, если угодно, в её «культурный код». Теоретическая значимость работы состоит в подтверждении влияния культурных традиций на взгляды и поведенческие установки как учёных, так и простых граждан. Практическая ценность работы определяется тем, что выводы из данного исследования можно и даже нужно использовать в образовательных учреждениях, например, на уроках обществоведения в школе, знакомя учащихся с русскими культурными традициями, что особенно актуально в период западного давления на Россию и частичной автаркии. Материалы также могут быть использованы при подготовке системы мер в области экономической политики (учете национального менталитета при проведении реформ любого уровня, выработке мер повышения трудовой активности граждан, совершенствовании управления с опорой на принцип справедливости и солидарности и др.).

В дальнейшем предполагается развивать представленное исследование в сторону изучения бинарности, двойственности русской культуры, её колебаний от западничества к славянофильству и наоборот.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Цитируется по «Ю. Лотман и таргуско-московская семиотическая школа» / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, 1994. – 409 с.
2. Аверинцев С.С. Связь времен / С.С. Аверинцев. – Киев: Дух и Литера, 2005. – 201 с.
3. Ницше Ф. Цитируется по «Ляхов А.В. Антитезы характера отечественной духовной культуры» [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antitezy-haraktera-otechestvennoy-duhovnoy-kultury/viewer>
4. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Перевод диакона Андрея Юрченко [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИРЛИ РАН, библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
5. Искандер Фазиль. Поэт [Электронный ресурс] /Ф. Искандер // Абхазская электронная библиотека. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/559-iskander_f_poet.html
6. Беседа с Е.Г. Ясиным в рамках проекта «Устная история». Интервьюер. – Н.А. Винокурова [Электронный ресурс] / Е.Г. Ясин // Устная история. – Режим доступа: <https://oralhistory.ru/members/evgeniy-g-ya>
7. Полтерович В.М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. – М.: Экономика, 2007. – 446 с.
8. Волконский В.А. Многополярный мир. Идеология и экономика. Конец доминирования западной цивилизации. Что дальше готовит нам история? / В.А. Волконский. – М.: Книжный мир, 2015. – 384 с.
9. Чернавский Д.С. Образ России в середине XXI века / Д.С. Чернавский // Социально-экономический бюллетень 2016. Центр социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева. – М.: Грифон, 2016. – С. 34-47.
10. Беседа с Чернавским Д.С. в рамках проекта «Устная история». Часть 1. Интервьюер: Буданов В.Г. [Электронный ресурс] / Д.С. Чернавский // Устная история. – Режим доступа: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1454>

11. Russian Semiotics of Behaviour, or can a Russian Person be Regarded as 'Homo Economicus?': коллективная монография / Vinokurova N.A [и др.]. – BRILL. RODOPI. Leiden.Boston. – 2016. – С. 134-159.
12. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность: соч. в 2-х т. Т. 2 / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993. – 736 с.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений; под ред. А.Н. Николохиной. – М.: Республика, 2008. – Т. 26. – 89 с.
14. Bethea, D. 'Literature' in Nicholas Rzhevsky (ed.). The Cambridge Companion to Modern Russian Culture, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 174 p.
15. Гидденс Энтони. Социология. (При участии К. Бердсолл); пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.

16. Прилепин Захар. Восьмерка. Маленькие повести [Электронный ресурс] / Захар Прилепин // Проза: Современная проза. – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/prose...prilepin/2/j1.html
17. Воронина О.А. Гендер как культурная метафора в философских и постмодернитских концепциях [Электронный ресурс] / О.А. Воронина // StudFiles. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – 2019. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/8409461/page:4/>
18. Винокуров Е.Ф., Винокурова Н.А. Предложение на российском рынке труда: гендерный аспект / Е.Ф. Винокуров, Н.А. Винокурова // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 34-41.

References:

1. Lotman Yu.M. Is quoted by "Yu. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school" / Yu.M. Lotman. – M.: Gnosis, 1994. – 409 p.
2. Averintsev S.C. The connection of times / S.S. Averintsev. – Kiev: Spirit and Literature, 2005. – 201 p.
3. Nietzsche F. Quoted from "Lyakhov A.V. Antitheses of the character of the national spiritual culture" [Electronic resource] / F. Nietzsche. – 2017. – № 4. – Access mode: [tps://cyberleninka.ru/article/n/antitezy-harakter-a-otechestvennoy-dukhovnoy-kultury/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/antitezy-harakter-a-otechestvennoy-dukhovnoy-kultury/viewer)
4. A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion. Translation by Deacon Andrey Yurchenko [Electronic resource] // Electronic library of IRLI RAS, Library of Literature of Ancient Russia. – Vol. 1. – Access mode: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
5. Iskander Fasil. Poet [Electronic resource] / F. Iskander // Abkhazian Electronic Library. – Access mode: http://apsnyteka.org/559-iskander_f_poet.html
6. A conversation with E.G. Yasin within the framework of the Oral History project. Interviewer. – N.A. Vinokurova [Electronic resource] / E.G. Yasin // Oral history. – Access mode: <https://oralhistory.ru/members/evgeniy-g-ya>
7. Polterovich V.M. Elements of the theory of reforms / V.M. Polterovich. – M.: Economics, 2007. – 446 p.
8. Volkonsky V.A. Multipolar world. Ideology and economics. The end of the dominance of Western civilization. What does history prepare for us next? / V.A. Volkonsky. – M.: Book World, 2015. – 384 p.
9. Chernavsky D.S. The image of Russia in the middle of the XXI century / D.S. Chernavsky / Socio-economic Bulletin 2016. D.I. Mendeleev Center for Socio-Economic Forecasting. – M.: Gryphon, 2016. – Pp. 34-47.

10. Conversation with D.S. Chernavsky within the framework of the Oral History project. Part 1. Interviewer: Budanov V.G. [Electronic resource] / D.S. Chernavsky // Oral history. – Access mode: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1454>
11. Russian Semiotics of Behaviour, or can a Russian Person be Regarded as 'Homo Economicus?': collective monograph / Vinokurova N.A [et al.]. – BRILL. RODOPI. Leiden.Boston. – 2016. – Pp. 134-159.
12. Bulgakov S.N. National economy and religious personality: Op. in 2 vols. Vol. 2 / S.N. Bulgakov. – M.: Nauka, 1993. – 736 p.
13. Rozanov V.V. Collected works; edited by A.N. Nikol'yukin. – M.: Republic, 2008. – Vol. 26. – 89 p.
14. Bethea, D. 'Literature' in Nicholas Rzhevsky (ed.). The Cambridge Companion to Modern Russian Culture, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 174 p.
15. Giddens Anthony. Sociology. (With the participation of K. Birdsall); translated from English – Ed. 2-E. – M.: Editorial URSS, 2005. – 632 p.
16. Prilepin Zakhar. The eight. Small stories [Electronic resource] / Zakhar Prilepin // Prose: Modern prose. – Access mode: http://rulibs.com/ru_zar/prose...prilepin/2/j1.html
17. Voronina O.A. Gender as a cultural metaphor in philosophical and postmodern concepts [Electronic resource] / O.A. Voronina // StudFiles. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. – 2019. – Access mode: <https://studfile.net/preview/8409461/page:4/>
18. Vinokurov E.F., Vinokurova N.A. The offer on the Russian labor market: gender aspect / E.F. Vinokurov, N.A. Vinokurova // Population. – 2021. – Vol. 24. – № 3. – Pp. 34-41.

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Сведения об авторе:

Винокурова Наталья Анатольевна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории механизмов финансово-промышленной интеграции Центрального экономико-математического института Российской академии наук, e-mail: vinokurova@yandex.ru